

что на слѣдующій день мы увидимся съ нимъ въ послѣдній разъ. Наступило это роковое завтра. Обѣдъ прошелъ, какъ обыкновенно, гости всѣ были на лицо, и затѣмъ начался обѣщанный концертъ. Я сѣла за фортепіано; но сердце у меня страшно билось. „Въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ“, шепталъ мнѣ какой-то голосъ, словно похоронный звонъ. Я такъ была взволнована, что руки мои дрожали. Вѣроятно, Позднышевъ замѣтилъ мое смущеніе, но я полагаю, что онъ объяснилъ его моимъ страхомъ играть при публикѣ съ такимъ извѣстнымъ артистомъ. Безъ сомнѣнія онъ замѣтилъ, что мы пристально съ Трухачевскимъ смотрѣли другъ на друга. Артистъ былъ блѣденъ, какъ смерть, но ни одинъ мускуль лица не обнаружилъ его волненія; рука его не дрогнула, когда онъ взялъ смычекъ и провелъ по струнамъ. Потомъ онъ нагнулся ко мнѣ, словно желая сказать что-то относительно нашей игры, и промолвилъ шепотомъ: „въ звукахъ этой музыки наши души сольются“. Дѣйствительно, пьеса, которую мы должны были исполнять, выражала всѣ страсти человѣческаго сердца. Это была чудная „Крейцера соната“ Бетховена, который, какъ Шекспиръ, великій мастеръ выразить че-